

Звезда соцсети

Алексей Смирнов

ЗАПИСКИ НЕВРОЛОГА

Прощай, Петенька!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 50

Смирнов, Алексей.

С 50 Записки невролога. Прощай, Петенька! /
Алексей Смирнов. — Москва : Издательство АСТ,
2018. — 256 с. — (Звезда соцсети).

ISBN 978-5-17-109618-2.

«Записки невролога. Прощай, Петенька!» - это уникальный сборник курьезных и смешных историй. Вас ждут врачебные воспоминания и впечатления автора, действующего невролога, чьи рассказы уже отозвались в сердцах многих читателей.

В сборник Смирнова Алексея вошли не только комичные случаи из врачебной практики, но также и авторские юмористические рассказы о медиках, пациентах и жизни, что порой настолько тяжела, что и смеяться и плакать хочется.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109618-2.

© Алексей Смирнов, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Тени прошлого

Приснился кошмар. Я снова в больнице. До-рабатываю месяц и вдруг вспоминаю, что не смотрел график дежурств. То есть раза три уже прикрывали точно. И молчат. В зубах у сослуживцев накапливается цианистый калий, и ничего не исправить.

Там все замечали и помалкивали. Был однажды новогодний корпоратив — точнее, дружественный вечер, как нынче стали выражаться для удобства бухгалтерии. Я проснулся в общежитии с медсестрой под боком. Ничего не помню, что было. Скорее всего, ничего. Она стонала, но от сушняка во рту. Но вечер же был дружественный! Я решил с ней дружить. Подошел через пару дней, дружески поздоровался. А она мне: «Будьте очень осторожны, за нами внимательно смотрят!»

Я ходил и озирался. Все было тихо. Никто не смотрел. Но я знал, что смотрят. Часовой механизм включился. Чья-то рука уже зависла, чтобы вписать меня в летопись местной коммуналки. Я содрогался, воображая следующий этап, потому что не знал, в чем он выразится.

Статус-кво

Братан загремел в больницу.
С утра, сказал, ругалась старшая сестра:
— Да что же такое! Опять взломали ночью
клизменную! Как медом намазано!
Ничего не меняется.

Страшная месть

Ездил в диагностический центр.
Там было тихо и безлюдно. Возле двери
расположился КПП с колхозной женщиной
в белом. Ее работа сводилась ко сну.

Над ней висела инструкция, в которой меня поразили один пункт:

«Не вмешиваться в работу КПП, если она не нарушает законы РФ».

Но как?...

Немного позже я понял, что у привратницы существуют некоторые поводы к недовольству и несогласию, которые могут вылиться.

К ней пришла товарка, они разговорились. Товарка, насколько я понял, намеревалась прилечь на койку.

— Ни в коем случае! — сказала ей стражница. — Ни в коем случае! Я лежала на урологии — такое отношение! Два дня не кормили, я стала выступать, так эта сестра-хозяйка, Ольга, горбатая, нажаловалась на меня в проктологию...

Записки невролога

Дальше я не слышал.

Чуть позже уже меня самого немного огорчила жестокая молодость медицины.

Бремя прожитых лет

В тот центр, о котором сказано выше, я привез маменьку — все в порядке, ничего страшного; наконец, ее вывел доктор лет тридцати. Маменька моя выглядит на свои годы. Семьдесят пять. Палочка, малая скорость, все дела.

— Принимайте свою девушку, — подмигнул мне доктор.

Я напрягся. Маменька поджала губы.

— Это мой сын, — произнесла она сдержанно. — А вы что подумали?

— Ничего, — быстро ответил доктор и выставил руки, защищаясь.

Я знал, что дела мои плохи, но не осознавал насколько.

Ветер перемен

Прокатился в загородную больничку. Ничего такого, все по плану.

Старые связи позволили проехаться на «Скорой» по Дороге Жизни. В комплекте с ландшафтом получились незабываемые впечатления для патристического ума — гроб на колесах при

особенностях местного асфальтирования. Но все равно спасибо.

Больничная реальность уже подзабыта, и я внимательно высматривал новое. Кое-что заметил. Не в пожилой, конечно, сестре, которая напоминала выражением лица Третью Собаку из сказки «Огниво» и несла узелок с двумя контейнерами: свеколка и котлетки. Зато молодые сестры удивили. Наверное, я слишком отдалился от областной реальности, но не припомню такого невероятного и повального расширения ниже талии.

На стене висели три фотографических пейзажа больничного микрорайона, вид сверху: день, ночь и сумерки. Красиво — не передать! Я бы туда эмигрировал или купил путевку, если бы получасом раньше не прогулялся по этому самому пятаку и не видел, какой это Пиздопропашинск.

Ну, и оборудования добавилось. Даже КТ. Но не МРТ. Постояльцы, однако, не изменились. Глядя на них, вспомнил старенькую соседку Марию Васильевну. Однажды она попала в больницу с инфарктом. Сбежала. Дома рассказывала: «Рядом женщина лежала, вся в проводах. Вот ее током и убило. И я, конечно, все провода-то с себя посрывала».

Где-то болит

Наткнулся в медицинском сообществе на новенький термин: «дорсопатия». Тетка пришла с радикулитом, и ей написали.

Да! Я гляжу, медицинская мысль у нас развивается.

Не буду скрывать, неврологом я был средним. Так себе. Ну, жалоб не было, да. Но и только. Мелких кожных веточек не знал, расположения глубоких мышц не помнил — мясо и мясо, положить на него электрическую лепешку, да впороть укол, а нутро само разберется.

Но диагноз «радикулит» был расхожим. Расплывчатость заканчивалась на термине, скажем, «люмбалгия» — боль в пояснице. Это довольно размытое понятие. Не отражает сути. Но тем не менее хоть поясница выделялась. Существовала в представлениях и диагностической мысли.

«Дорсопатия» — новое слово. В переводе это означает «что-то не так со спиной». А то и не со спиной, а просто «сзади». Так победим!

Что с этой теткой сделали, из-за чего был собственно пост в сообщество, рассказывать не стану.

Педики

В творческой поликлинике хорошо. Корнеплодов нет. Народу мало, люди культурные. Очередь состояла из пожилого дядечки. Он поздоровался со мной. Потом поздоровался с уборщицей, которая шла мимо. Она там, я видел, зовется «оператором уборки», и у нее есть «заказчик».

— Надо со всеми здороваться на всякий случай! — весело объяснил он.

Дядечка был словоохотлив.

— Никак не найду рентген, — пожаловался он, листая карточку. — Непостижимый почерк! Но друг друга они понимают...

— Позвольте мне, — предложил я и нашел ему рентген.

— Надо же! — просиял он. — Вот спасибо! Вы, наверное, врач.

— Было дело, — согласился я.

Беседа текла. Дядечка затрагивал самые разные темы. Потом потряс карточкой:

— Без этого рентгена меня не перевыберут в ученый совет!

— Да неужели?

— Представьте себе. В обязательном порядке. И в милицию погнали за бумагой, что мы не педик. Народу — битком!

— Что, простите?

— Ну, что не педик мы.

Я внимательно посмотрел на него. Он огорченно взмахнул руками:

— Что на учете не состоим, не педик!

— А разве уже состоят?

— Ну да! Что не убийцы мы, не привлекались, не судились...

— Так это не педик...

— Разве?..

Теперь удивился дядечка. Он приветливо смотрел на меня в очки, искренне желая разъяснить недопонимание.

За кулисами

Больница, субботний коридор. Благостное безмолвие.

Появляются три тертых доктора в больной спецовке. Козырная масть, бывалые волки. Один, который пониже и пожилистее, явный пахан, не меньше зава хирургией.

Идут к служебному выходу. Отмыкают дверь.

Сколь многое можно понять об океане по капле воды!

Ловлю две реплики:

— Затишье...

— Затишье не затишье, а деградация. Дебилы. Неврологи...

Зной

Во дворе лежит одинокое тело. Не понимаю. Не постигаю. Не знаю ни одного человека, кого бы сейчас не клинило от жары. Недели полторы назад сам был грешен, накатил под плохое настроение. Немного. Пару дней попил по-немножку и перестал. Ну потому что невозможно же, реально было плохо.

Идем вчера с Половинкой от Финского залива. Пропускаем «Скорую», которая раздраженно катит в родную мою больницу.

— Вот, — объясняю. — Ребята сейчас обрадуются. Мы ненавидели лето. Вот вся эта срань

под вечер хлынет в больницу, — показываю на переполненный пляж, такую же подъехавшую электричку, да целый автопарк вокруг. — Утонутия, переломанные шеи, перегрев, обожратушки, проломленные черепа, инфаркты с инсультами. А больница одна на всю округу, как зимой. Плюс дачники. Да, эти прячутся, как клещи. Их не сразу видно.

Сансара

Очувтившись в кардиологии, маменька постигает необычную медицинскую реальность. Она хоть и доктор, но проработала всю жизнь в роддоме, и многое ей в диковину.

В коридоре — тучная особа, состояние ближе к тяжелому. Вопрос к окружающим один: скажите, ради Бога — жива ли мать Мустафы?

Она не досмотрела сериал.

В конурке, забранной прутьями, беснуется дедушка. Он вцепился в решетку, как узник совести. Дедушка одинок, он много пил, и у него отстегнулась мозговая кора. Я вечно путаюсь в терминологии. Сперва нас учили говорить «кора больших полушарий головного мозга». Потом велели иначе: «кора полушарий большого мозга». Не знаю, как принято сейчас. Короче говоря, у маленького дедушки накрылась пиздой большая кора больших полушарий большого мозга.

Он трясет клетку и призывает на помощь воображаемых родственников, объясняя, как к нему

пройти, и жалуясь на двух стерв, которые его изловили. Стервы — две миниатюрные сестрички. Проходя мимо, они всякий раз отвечают на его вопли: пить надо меньше.

Если вы живете анахоретом и питаетесь настоящей боярышника, то вас ждет следующее. Сперва вы попадете в реанимацию, потом вас переведут в кардиологию, где случится примерно то, что написано выше. Вас поддержат в клетке и отправят на дурку. Там вы пробудете ровно сутки и снова поедете в реанимацию. Оттуда — на отделение. И так далее. Эта сансара будет длиться до самой нирваны.

Фуэте

Забирал маменьку из больницы. Сидим в приемном, ждем такси.

Сзади:

— Пригласите нейрохирурга в Шелковый Зал!
Надо же.

Кадриль и полька, па-де-де, два шага налево.

Попадание

Из не вошедшего в хронику «Под крестом и полумесяцем».

— Патологоанатомы — это бывшие врачи, — уверенно сказала заведующая.

— И занимаются бывшими пациентами, — буркнул я, не отрываясь от писанины и привычный к ее глупостям.

Как она хохотала!

Потаторы

Известно ли обществу старинное медицинское слово «потатор»? Если нет, то напрасно. Я давеча наткнулся и вспомнил. Оно означает «пьянь», но не ту пьянь, которая пришла на прием пьяной, а ту, которая прибыла трезвой и на что-то претендует. В нашей поликлинике это непонятное для населения слово писали на картах, в правом верхнем углу, предупреждая коллег. С больничным сразу возникали проблемы. Там же писали еще «ЧДБ» — «часто, длительно болеющий»; то есть откровенная сволочь, но за руку не поймана. Иногда, на особенно пухлых картах, это сочеталось.

Бывало, что я прописывал это отдельным гадам просто от фонаря. Пришла скотина необозначенной, а ушла потатором и ЧДБ. За всякое зло приходится расплачиваться.

В том числе и мне.

Однажды я угостился до положения риз и стоял на Лиговке. Мимо проезжала «Скорая», она спасла меня от кое-кого похуже. «Смотри, какой гнутый», — заметил доктору фельдшер. Доктором оказался мой старый товарищ, однокурсник. Такое везение. Меня подхватили, отвезли до-

мой, кое-как поставили перед дверью, позвонили и убежали.

Только этим дело не кончилось, потому что моего друга-доктора осенило. В дальнейшем, доказывая, что он не ездит просто так, а занимается делом, доктор заполнял на меня фальшивые сигнальные талоны: подобран, дескать, там-то в невменяемом состоянии. Убежал из машины, не дождавшись больницы. Убежал из больницы, не дождавшись осмотра.

И пересылал уже в мою личную поликлинику, где это подшивали в мою карту.

Хорошо, что она давно потерялась.

Перед лицом общей беды

Прокатился по делу в пригородную больничку.

На входе прицелился монетой в щель автомата с бахилами.

— Стойте! Не делайте этого!

Ко мне метнулась молодая женщина с точеным, слоновой кости лицом и гривой распущенных каштановых волос. Она собиралась выйти.

— Возьмите мои! Я почти не ходила!

Она говорила с пылом большим, чем если бы от меня зависела жизнь ее малютки, а сама она была готова на все. И даже без малютки готова.

Вот оно! Вот чего нет на Западе! Все там есть, а этого нет. Вот оно, истинное единение в условиях трудной жизни.

